

Сплетня ходит вне закона

Вольф Иосифович Эрлих – поэт, наш земляк. Его детство, юность прошли в Симбирске.

Эрлиха хорошо знала и ценила читающая публика 20-30-х годов XX века. Однако после ареста поэта в 1937 году его имя забылось, а позже, когда Вольфа Иосифовича реабилитировали, у страны были уже другие кумиры. К сожалению, возвращение поэта и прозаика Эрлиха до сих пор не состоялось. На волне разоблачений и мистификаций имя Вольфа Иосифовича связали с гибелью Есенина, а самого Эрлиха прямо стали называть убийцей поэта.

Легко обвинять, когда знаешь, что никто ответить не может. Да и я не ответчик. Но всё во мне протестует против этого обвинения, потому что знаю, как можно сфальсифицировать документы, по-другому расставить акценты, придумать. Я же, когда читаю его стихи, прозу и воспоминания о нём современников, по-прежнему не могу принять эту злодейскую версию новейшей истории. И вспоминается мне далёкая встреча с родной сестрой В. Эрлиха – Миррой Иосифовной Толкачёвой. Об этом я и хочу рассказать читателям.

Эрлих. 1928 г.

***

*На Ваганькове берёзки,
Клён да белый мех,
Что тебе наш ветер жёсткий
И колючий снег?
Там, в стране чудесно-белой,
Тополя шумят...
Спи, мой лебедь!
Спи, мой смелый!
Спи, мой старший брат!*

Эти стихи на смерть Сергея Есенина написал Вольф Эрлих. В этом году исполняется 105 лет со дня его рождения.

Осенью 1987 года мы, молодые сотрудники Литературного музея «Дом Языковых», Е.К. Беспалова и автор этих строк, находясь в командировке в Ленинграде, отважились позвонить по любезно предоставленному нам ульяновцем М.Я. Татарским номеру телефона семьи Эрлихов. Ответила нам Мирра Иосифовна. Мы договорились о встрече и на следующий день были у неё дома.

Тогда ещё никому в голову не приходило пересматривать причину ухода из жизни многих известных людей, в том числе и Есенина. Поэтому наша встреча была чиста от всех подозрений и очень радостна для Мирры

Иосифовны – наконец, кому-то стал интересен её любимый брат Вольф. Нам было позволено задавать любые интересующие нас вопросы; на столе были разложены все документы и материалы, касающиеся брата. В конце встречи Мирра Иосифовна без всякого сожаления всё это передала в фонды нашего музея.

Были рассказы о родителях, Симбирске, о годах учёбы будущего поэта в гимназии, Казанском и Ленинградском университетах, о его первой любви к будущему известному историку Милице Васильевне Нечкиной – тогда студентке и просто Миле. К нашему изумлению на стол легли самодельные, сшитые из лис-

тов бумаги книжечки со стихами М.В. Нечкиной, посвящёнными Вольфу. Замечу кстати, что когда сотрудники Пушкинского дома узнали об этом факте, их удивлению не было предела – о том, что Нечкина в 1920-е годы писала стихи, им было неизвестно. Долго в семье Толкачёвых хранились и любовные письма Нечкиной к Эрлиху, только за год до нашей встречи Мирра Иосифовна, перечитав их в последний раз, уничтожила...

Вот так, разговаривая и рассматривая документы, мы подошли к главному вопросу о взаимоотношениях Эрлиха с Есениным и о последнем дне жизни Сергея Александровича.

Известно, что поэты познакомились в 20-х годах XX века. Свидетель их дружбы, поэт Николай Тихонов, в предисловии к посмертному сборнику стихов В. Эрлиха писал: «Вольф Эрлих, встретившись в первый раз с Есениным, так был им взволнован и потрясён, что с того дня стал сближаться с ним и, наконец, это сближение закончилось большой и настоящей дружбой, продолжавшейся до последнего дня жизни Есенина». Для Эрлиха Есенин стал идолом, всё личное было подчинено «старшему брату». «Мы с мамой, – вспоминала Мирра Иосифовна, – не узнавали Вольфа, когда рядом с ним был Есенин. Брат забывал обо всём». Эта зависимость пугала родных, но ничего они поделать не могли. «Я готов служить тебе», – скажет как-то Эрлих Есенину.

В свой последний приезд в Ленинград в декабре 1925 года Есенин поручил Эрлиху снять для него квартиру, потом передумал, решив остановиться в доме Эрлихов, опять передумал, и поселился в гостинице. «Какое счастье, что он жил не у нас, а то наш дом всегда был бы домом, где повесился Есенин», – вспоминала Мирра Иосифовна. Могла ли предположить она, что через десяток лет её брата назовут убийцей Есенина. Она рассказывала, что Есенин в последние дни своей жизни был страшен – с чёрными зубами, ссохшейся рукой, с лихорадочным полубезумным взглядом. У него была мания преследования, бесконечные разговоры о близкой смерти и о не-

понимании происходящего в стране. «Я его очень боялась», – признавалась Мирра Иосифовна.

Известно, что Эрлих был одним из последних, кто общался с Есениным в день его смерти. При их прощании в гостинице «Англетер» Есенин сунул Вольфу в нагрудный карман пиджака своё последнее стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...», попросив прочитать дома. Ослушаться Эрлих не мог. Вернувшись домой поздно ночью, он прямо в прихожей достал листок, пробежал его глазами и, побледнев, закричал: «Мирка, он же кровью написал!». Сразу же брат и сестра бросились на улицу ловить извозчика. Добравшись до «Англетера», Эрлих наткнулся на сопротивление швейцара: «Сергей Александрович не велели беспокоить». Побеспокоить пришлось, но было уже поздно.

Мирра Иосифовна вспоминала, что несколько месяцев после смерти Есенина они с матерью стерегли Вольфа, боясь, что он покончит с собой. Тем более, что примеров было множество. Все упрекали Эрлиха в том, что он не уберёт Есенина, и он сам более всего казнился этим. Но никто, повторяю, никто не обвинил его тогда в убийстве. В 1928 году Эрлих написал ещё одно посвящение Есенину, закончив его

Эрлих с родными

Эрлих – гимназист

словами: «Простимся ж, русский! Мир с тобою!/Ужели в первый вешний день/ Опять предстанет предо мною/Твоя взыскующая тень».

В 1930-е годы Эрлих, член Союза писателей, пишет стихи, прозу, сценарии, пробует себя как переводчик. Его воспоминания о Есенине «Право на песнь» до сих пор многими считаются одними из лучших. В 1937 году Эрлих уехал в Армению для сбора материалов об армянских репатриан-

тах. Готовился новый фильм по его сценарию. Уехал – и пропал.

Как выяснилось позднее, Эрлих засиделся в гостях, а ночью всю семью арестовал НКВД, заодно прихватив и поэта. Родным ничего не сообщили, и они не знали, что и думать. К розыскам подключился поэт Николай Тихонов. Он и его жена очень любили Вольфа и, не имея своих детей, относились к нему как к сыну. В Армении Эрлиха разыскивала писательница Мариэтта Шагинян. Поиски, очень настойчивые, прекратил НКВД, рекомендовав по этому вопросу больше никуда и ни к кому не обращаться.

Как-то ночью в ленинградскую квартиру Эрлихов позвонили. На пороге стоял оборванный человек. Он принёс записку от Вольфа, в которой сообщалось, что тот сидит в «Крестах». Мать тогда успела передать ему деньги и вещи. Потом была получена ещё одна записка: «Мамочка, не волнуйтесь, скоро увидимся». Но он не вернулся.

Некоторое время спустя, вечером, к Эрлихам пришла соседка по площадке Рита Волкова, с детства влюблённая в Вольфа. Она работала машинисткой в «Большом доме» (НКВД). Почти теряя сознание, она сообщила матери и сестре, что только что на работе перепечатала приговор по делу Эрлиха – «Десять лет без права переписки». Сегодня мы знаем, что стоит за этим приговором. Больше никто Эрлиха не видел.

В официальной справке о реабилитации сообщалось, что В.И. Эрлих умер в 1944 году, и могила его неизвестна.

Никому не дано предугадать свою посмертную судьбу. А Эрлих, как бы предвидя её, написал в 1931 году стихотворение «Сплетня». Там есть такие строчки: «Её узнав, стреляй, руби или режь, /Мне всё равно, но действуй непреклонно, /Поскольку сплетня ходит вне закона, /Как трусость, как измена, как мятеж». Сейчас нет на свете уже и Мирры Иосифовны, так любившей своего единственного брата. Остались лишь его стихи, воспоминания, фильмы... И обвинение в убийстве Есенина.

Как-то Есенин сказал Эрлиху: «Я от роду никого сзади не бил!». А мы бьём, да ещё и с отяжкой!

Лариса Ершова

*Фото из фондов УКМ,
публикуется впервые*